

ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТРУДОВ И ЗАРОЖДЕНИЕ ОСНОВНЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ПО ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

THE APPEARANCE OF THE FIRST SPECIAL WORKS AND THE ORIGIN OF THE MAIN HISTORIOGRAPHICAL CONCEPTS ON THE HISTORY OF THE KAZAN KHANATE

B. Khamidullin

Annotation

Scientific interest in the history of the Kazan khanate originated in the XVIII century the First studies devoted directly to this Tatar state on the territory of the Middle Volga region, was created "chronicle" with the pattern following in General the Russian tradition, founded the authoritative and conceptual works of V.N.Tatishchev and N.M.Karamzin. In General, the khanate of Kazan was presented in the scientific works of the XVIII–XIX centuries as an object of Moscow's foreign policy as hostile force with which the Russian government was forced sometimes to enter into tactical agreements.

Keywords: The khanate of Kazan, Russia, Kazan, the Golden Horde, Tatars, historical works, historiography, Chronicles.

Хамидуллин Булат Лиронович
Институт татарской энциклопедии
и регионоведения Академии наук
Республики Татарстан, Казань

Аннотация

Научный интерес к истории Казанского ханства зародился в XVIII в. Первые исследования, посвященные непосредственно этому татарскому государству на территории Среднего Поволжья, создавались по летописным лекалам, в рамках общей российской традиции, заложенной авторитетными концептуальными работами В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина. В целом Казанское ханство представлялось в научных трудах XVIII–XIX вв. в качестве объекта московской внешней политики, как враждебная сила, с которой русское правительство иногда вынуждено было заключать тактические соглашения.

Ключевые слова:

Казанское ханство, Россия, Казань, Золотая Орда, татары, исторические труды, историография, летописи.

Казанское ханство (1445–1552) имело богатую историю [10; 11], научный интерес к которой проявился уже в XVIII в. [14, с.34], в период становления дворянской историографии и формирования просвещения в России. Характерной чертой российской историографии того времени было ограничение круга ее интересов исключительно вопросами политической истории. Поэтому многие социально-экономические и этнокультурные аспекты развития общества изучались слабо, а в центре внимания находились такие события, как дипломатия, войны, завоевания, а также причины, их порождавшие (аналогичная ситуация наблюдалась в XIX в. и в зарождающейся татарской исторической науке, см.: [12, с. 222–228]). Ограничивала творческую активность историка и его исследовательские возможности также зависимость от формы изложения материала в источниках и сам способ его критического анализа. Летописная форма долгое время была преобладающей в изложении средневековой истории Руси/России, а факты, излагаемые в текстах летописей, были настолько отрывочны и скудны, что становились препятствием для написания российской истории по типу европейских, в первую очередь образцовых для того времени немецких работ. Эта

зависимость заметна в трудах ранних российских историков, таких как А.И.Лызлов (анализ сочинений А.И.Лызлова о татарах и Казанском ханстве см.: [11, с.142–143; 13, с.48–55]), В.Н.Татищев, М.В.Ломоносов, М.М.Щербатов, И.Н.Болтин и др. Да и С.М.Соловьев не отошел полностью от этой формы. Не удивительно, что и первые исследования, посвященные непосредственно Казанскому ханству, создавались по этим "летописным" лекалам, следуя в рамках общей российской традиции, заложенной авторитетными концептуальными работами В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина.

Первым, кто специально обратился к истории Казанского ханства, был член-корреспондент Петербургской Академии наук П.И. Рычков (1712–1777) – автор трудов по археологии, этнографии и истории Поволжья, Урала и Прикаспия. Он был также участником Оренбургской академической экспедиции. Именно в Оренбурге П.И.Рычков впервые обращается к истории татар. Об этом свидетельствует сочинение, написанное им в конце 1740-х гг., – "Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются" [4, с.8]. Он также является автором первого путе-

водителя по городу Казани [3, с.31]. Наиболее интересной для изучения Казанского ханства является его публикация "Опыт Казанской истории древних и средних времен" [7; 9, с.76–78], которая для своего времени была написана на хорошем научном уровне, с использованием как русских, так и восточных источников. И все же, основным источником по истории Казанского ханства для Рычкова являлась "Казанская история", которую он практически переписал, трактуя некоторые сложные или непонятные сюжеты на свой лад и дополняя сведениями, которые смог найти в весьма ограниченном круге опубликованных на тот период письменных источников. Вместе с текстом этого публицистического произведения автор воспринял и перенес в свою книгу многие его идеологические штампы, оправдывающие и легитимизирующие захват Казани Иваном IV в 1552 г.

Вся история Казанского ханства в его изложении, таким образом, неизбежно превратилась в описание политических взаимоотношений Казани и Москвы. В самом начале своего сочинения Рычков пишет о том, что история Казанского царства неразрывно связана с историей России, особенно на раннем ее этапе. Волжских болгар (одних из предков казанских татар) автор причисляет к древнейшим славянам, которые пришли на Волгу с незапамятных времен. Это утверждение базируется, в частности, на сведениях, приведенных в "Казанской истории", в которой территория, "где стоит теперь город Казань", именовалась частью "единой Русской земли" [5, с.47], и на лингвистическую трактовку этнонима "болгары/болгары", созвучного названию реки Волги. "Не только наши российские летописи, – писал Рычков, – но и иностранные писатели согласно и довольно уверяют нас, что в нынешних Казанской, Оренбургской и Астраханской, частью ж и в Сибирской губерниях, особливо же около Камы, Волги и Яика рек, в древние времена под разными именами Славянские народы обитали, между которыми Болгары по их бывшему великому купечеству, и многим ремеслам, как сильный, богатый и в городах обитавший народ, за знатнейший признавался" [7, с.2]. По его мнению, эти болгары и создавали первые города на землях Поволжья. Благодаря этому весьма сомнительному доводу, целиком заимствованному из "Казанской истории", автор создает основу для утверждения, что Казанское ханство было образовано на издревле заселенной русскими территории: "...Казанское царство и город Казань, более, нежели за триста лет, основаны Татарами на земле Российскому государству принадлежащей, к великому государственному вреду..." [7, с.113–114]. Завоевание татарами русского края, по его мнению, произошло во времена хана Бату. Именно с этим Чингизидом связывает Рычков строительство города Казани. При этом он критикует автора "Казанской истории" за то, что тот считал Бату и Саина двумя разными личностями и утверждает, следуя известной летописной "Повести об убиении Батия", что хан Бату был убит венгерским королем во время похода в Паннонию [7, с.74]. Казанское ханство

Рычков считал частью Золотой (Большой) Орды. "Казанское Татарское царство, – писал историк, – с начала его было ничто иное, как отрывок или отрасль той же Большой Орды..." [7, с.25], чья политика ничем не отличалась от политики Золотой Орды. Ведь, по его мнению, на смену миролюбивым и родственным славянам болгарам пришли "лукавые" и "пронырливые" татары, которые занимались только тем, что грабили русские земли. Большую роль Рычков отводил исторической роли хана Улуг-Мухаммеда, которого считал вторым после Бату самым жестоким разорителем русских земель [7, с.81]. С именем этого золотоордынского хана Рычков, как и казанский летописец, связывал повторное "возрождение" Казани. Несмотря на имеющиеся недостатки, в целом его работа явилась определенным этапом в изучении истории Казанского ханства. Создавалась она как летопись и писалась на основе публицистического сочинения ("Казанской истории"), которое автор воспринимал именно как летопись, заимствуя отсюда концепцию и смысл всей истории Казанского ханства.

Первой действительно серьезной научной работой по истории Казанского ханства стала "История города Казани" (Казань, 1817) профессора Казанского университета К.Ф. Фукса (1776–1846). Именно ему можно отдать приоритет в монографическом изучении Казанского ханства. В дальнейшем многие отечественные историки XIX – начала XX в. именно на основе его исследований и выводов строили свои концепции. Его сочинение дало повод для многочисленных дискуссий в российской историографии, в особенности по поводу даты/места основания Казани. Фукс, воспитанный на классической немецкой историографии, строил свои выводы на рационалистической западноевропейской концепции и, хотя при написании своей книги опирался на русские летописи и татарские письменные источники и фольклор, был достаточно свободен от национальных пристрастий. Фукс относил первое упоминание о Казани к 1396 г. (здесь имеется в виду зимний поход московских войск 1399 г. на болгарский вилайят Улуса Джучи), когда русские войска заняли город, отдельно указывая, что "до царствования хана Золотой Орды Туктамыша (1380), мы ничего не знаем о городе Казани" [8, с.1]. Старинные предания об этом он считал "баснословными, как и повествования о сем предмете в сочинениях Лызлова и Рычкова" [8, с.1]. По его мнению, ко времени прихода хана Улуг-Мухаммеда в Казань, который Фукс относил к 1430 г., она уже освободилась от власти Золотой Орды и имела собственных князей. В 1446 г. Улуг-Мухаммед, по мнению ученого, вновь покорил Казань и убил правившего там казанского князя Али-Бея (Либея). Фукс также писал, что сам Улуг-Мухаммед в Казани не правил, а "возвел на Казанское царство своего сына Махмутека, коим началась новая династия" [8, с.1–3]. Автор первым в отечественной историографии указал на несколько важных моментов казанской истории. Во-первых, что Казань не была разрушена до прихода Улуг-Мухаммеда; во-вторых, что пос-

ле захвата города ханством стал править не сам Улуг–Мухаммед, а его сын Махмутек. Эти идеи Фукса были приняты наукой, и их, в частности, в дальнейшем развивал известный российский востоковед В.В.Вельяминов–Зернов (1830–1904). В целом можно сказать, что автор сделал немало интересных замечаний по истории Казани и Казанского ханства, однако сделать большее ему не позволило отсутствие качественного и достоверного источникового материала. На то время многие летописи еще не были опубликованы, а известия большинства западноевропейских путешественников еще не стали достоянием научной общественности. В таких условиях написать источниковедчески выверенный цельный труд было практически невозможно. Автор, понимая, что "Казанская история" – источник довольно сомнительный, не смог опереться в последовательном изложении событий на другие, более достоверные сведения. Вынужденно он следовал за канвой военно–политических событий, практически не уделяя внимания фактам внутреннего устройства казанского государства и его политического строя. Можно сказать, что это весьма характерный пример, показывающий, как в XVIII–XIX вв. терпела фиаско немецкая историософская ученость, столкнувшаяся с сопротивлением российского исторического материала.

Новой вехой в изучении истории Казанского ханства стал выход в 1847 г. книги "Казанская история" врача Казанского порохового завода, краеведа Н.К. Баженова (1804–1878). Автор расширяет рамки своего исследования, фактически рассматривая всю историю Поволжья и уделяя возникновению самого Казанского ханства лишь незначительное внимание. История Поволжья и Казанского ханства рассматривалась им через призму Российской истории. Как писал сам Баженов, он "держался истории Государства Российского, сохраняя историческую сущность и хронологический порядок" [1, с.3]. Источниками при создании работы, как указывал историк, были татарские рукописи и устные предания, неясные моменты и лакуны он трактовал по–своему. Однако созданная Баженовым работа и ее событийная канва дают повод думать, что автор использовал в большей степени лишь русские летописи, включая ту же "Казанскую историю". Вся его работа, как и у предшественников, сводится к хронике военно–политических отношений Москвы и Казани. Причем Казань априори выступает как завоеватель и зачинатель политических конфликтов. О внутреннем устройстве ханства автор практически ничего не сообщает. Вопрос об основателе "Новой Казани" Баженов решает в пользу Улуг–Мухаммеда, считая, что "Алим–Бек не был основателем Новой Казани, но поселился в Старой, а новую основал Улуг–Мухаммед" [1, с.27]. Город, по словам автора, по установившейся уже у отечественных историков традиции ссылавшегося в этом случае на "Казанскую историю", укрепился жителями, "вызванными из Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды" [1, с.24]. Далее Баженов указывает, что по политической значимости Казань заменила Булгары, "переме-

нивши только имя и место свое" [1, с.53]. Краевед дает оригинальную трактовку исчезновения из русских летописей Улуг–Мухаммеда после 1445 г. и появления хана Махмутека. Он, следуя рассказу "Казанской истории" и некоторым иным летописям (например, Никоновской), составляет цельный рассказ об этих событиях. Исследователь повествует, что, когда в 1445 г. Улуг–Мухаммед с сыновьями предпринял поход на русские земли, Казанью завладел болгарский князь Либей. Хан был вынужден вернуться, чтобы восстановить порядок. Этим положением воспользовался его сын Махмутек, который в ситуации политической неразберихи убил отца и брата, а сам "вступил на престол Казанский". Интересно, что Баженов рассматривал татарское феодальное общество с позиции гражданского общества современного ему европейского типа, поэтому на страницах его работы появляются "граждане", которые всеобщим голосованием решают насущные проблемы [1, с.53].

Таким образом, создание первых научных работ по истории Казанского ханства показало, что без кардинального расширения источниковой базы исследования и новых концептуальных подходов, которые позволили бы раскрыть внутренние механизмы функционирования Казанского ханства как государства, историки будут находиться в плену летописных рассказов о событиях лишь военно–политической истории...

Во второй половине XIX в. появляется еще ряд серьезных работ, касающихся истории Казанского ханства. Среди них можно отметить исследование академика В.В. Вельяминова–Зернова (1830–1904) о касимовских ханах, в котором содержится много сведений о Казани. Вельяминов–Зернов указывал, что основными источниками по истории ханства являются русские летописи. Но при этом он весьма скептически относился к "Казанской истории", о которой писал, что это "источник, которым надобно пользоваться с большой осторожностью. В ней рассказывается множество басен и небылиц; года часто перепутаны и происшествия искажены; автор, как видно, писал на память, мало заботясь о том, что у него выйдет из–под пера" [2, с.6]. Вельяминов–Зернов небезосновательно отвергал мнение о том, что Казань до прихода Улуг–Мухаммеда находилась в развалинах, считая этот факт неподтвержденным источниками: "В летописях нигде не сказано, чтобы Русские в 1399 году разрушили Казань дотла..." [2, с.12]. Это позволило ему раскритиковать точку зрения Карамзина о том, что Казань с 1399 г. была в упадке. В отличие от многих своих предшественников, прекрасный источниковед Вельяминов–Зернов, опираясь на сообщения Воскресенской и Никоновской летописей и на некоторые другие источники, относил возникновение Казанского ханства к осени 1445 г. и приписывал приоритет его создания сыну Улуг–Мухаммеда Махмутеку. Именно Махмутек, по мнению В.В. Вельяминова–Зернова, убил казанского вотчика "князя Али–Бика" и овладел городом, "и чрез то положил начало но–

вому ханству и новой династии царей" [2, с.4]. Автор, однако же, не удержался, чтобы не использовать при этом рассказ критикуемой им "Казанской истории" при объяснении ситуации смены хана. По его мнению, "по освобождению Василия, Улуг–Мухаммед двинулся с Махмутеком из Курмыша на Казань, с целью завоевать ее; Махмутек же, побуждаемый честолюбием, решился убить отца и выполнил этот умысел, либо не за долго до взятия Казани, либо немного времени спустя" [2, с.11]. Свою гипотезу он подкреплял данными летописей. Вельяминов–Зернов обращал внимание на тот факт, что после октября 1445 г. об Улуг–Мухаммеде нет ни одного упоминания в летописях, а Воскресенская и Никоновская указывают, что Махмутек овладел Казанью и положил основание Казанскому ханству. Тем самым, хотя Вельяминов–Зернов предостерегал ученых от ошибки безусловного доверия "Казанской истории", сам он, указывая на исчезновение Улуг–Мухаммеда с политической сцены, считал, что хан был убит своим сыном Махмутеком.

Впервые межгосударственные и межэтнические отношения в Среднем Поволжье получили детальное освещение в 1877 г., после выхода в свет монографии ученика С.М.Соловьева Г.И. Перетятковича (1840–1908) "Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации)" [6]. Для второй половины XIX в. его работы явились существенным вкладом в изучение проблемы колонизации Среднего Поволжья. Автор попытался разобраться в улусной системе Золотой Орды, взаимоотношениях различных группировок мурз и военно–политической истории поздней Золотой Орды.

Необходимо отметить как значительный вклад историка в освещение истории Казанского ханства то, что Перетяткович одним из первых сделал попытку изучить его внутривластную структуру и государственное устройство. При создании монографии основным источником для ученого также послужили русские летописи, которые он изучал в комплексе. Следуя в русле концепции "борьбы леса со степью", Перетяткович, развивая мысль об экономической отсталости Казанского ханства, считал, что "Казань предпочитает жить чуть не ежегодным грабежом своего соседа и уводом в плен жителей" [6, с.116]. Он прямо писал, что "сам город обращается в депо, где постоянно содержится огромное количество пленных, которыми Казанцы ведут торговлю на своем и на чужих рынках" [6, с.116]. Этот вывод тем более парадоксален, учитывая, что автору были известны факты о развитой земледельческой культуре татар и прямые указания источников на наличие земледелия в Поволжье.

Рассуждая о происхождении и государственном устройстве Казанского ханства, Перетяткович пришел к противоречивому выводу о характере государства. С одной стороны, Казань унаследовала от Булгарского государства городскую цивилизацию и развитую агрокультуру, а с другой – это государство, которое "по своим хищническим инстинктам более напоминает монголов" и

имеет чрезвычайно малое количество городов [6, с.117–131]. Он доказывал в своей работе, что отождествление в летописях Казани с "именем Болгар" – явление не случайное и что "у Казанцев была та же религия и те же занятия, что и Волжских Болгар" [6, с.116]. Тем не менее, Перетяткович писал, что "не без основания некоторые видят в Казани не сколько наследницу древнего Булгара, сколько преемницу Золотой Орды" [6, с.116].

Хотя автор и изучил большое количество источников и прекрасно ориентировался в них, он не смог найти собственного подхода к сложной истории Казанского ханства, оказавшись в зависимости от весьма противоречивых историографических традиций. Появление Улуг–Мухаммеда Перетяткович относил к 30–м гг. XV в., когда в Золотой Орде была "замятня великая". Историк считал, что Улуг–Мухаммед сам овладел Казанью, убив правившего там князя, и старался "укрепиться и распространить пределы нового своего государства". Основным населением Казанского ханства автор считал татар, но при этом в состав государства входили и финские племена, к которым он относил и черемис. Перетяткович, скорее под влиянием историографической традиции, нежели на основании собственных данных, писал о том, что "земледелием казанские татары вряд ли занимались охотно и с усердием. Земледелие у казанских татар и в настоящее время находится в плохом состоянии, а любимое и успешное занятие их – торговля" [6, с.123]. Так же категорично писал он и о религиозных традициях казанцев: "...Татары Казани отличались такою же ревностью к своей религии, как и предшественники их Волжские Болгары; как последние, увлекаемые религиозным фанатизмом, побуждали христиан обращаться к исламу и, в случае отказа, замучивали их, так позже в Казани Русские были принуждаемы к отречению от Христа..." [6, с.125]. Скорее всего, этот вывод автор делал на основании предвзятого отношения летописцев к Казанскому ханству.

Г.И.Перетяткович первым довольно подробно остановился на внутреннем устройстве Казанского ханства. Он писал, что в Казанском ханстве существовала сильная аристократия, которая ограничивала власть царя. Перетяткович попытался воссоздать иерархическую лестницу Казанского ханства. Не смотря на то что в его распоряжении были те же источники, что и у предшествующих ему историков, он попытался найти новые подходы к изучению социальной структуры казанского государства. К аристократии он относил все княжеские фамилии, каждый член которых имел право на звание "мирзы". В свою очередь, представители наиболее знатных фамилий носили титул "бик". И лишь "бики" главнейших дворянских родов имели право на звание "карачия" [6, с.126]. Нужно особо отметить, что именно Перетяткович первым указал на существование в Казани политических партий, которые боролись за власть [6, с.125]. Позднее эти выводы воспроизводили многие историки, в частности М.Г.Худя-

ков, Г.С.Губайдуллин, Н.Н.Фирсов, развивая их дальше. В отдельную группу Перетятковичем были отнесены "ула-ны", которых он ошибочно считал влиятельными чиновниками. Так же ошибочно он пытался усмотреть в феодальном государстве неких земских или городских князей [6, с.126]. Низшим сословием историк считал земских и черных людей, оговариваясь, что, исходя из источников, ничего определенного написать о них не может [6, с.130].

Говоря о границах Казанского ханства, Перетяткович отмечает, что они довольно неопределенные. По его данным, Казанское ханство должно было соприкасаться с другими постзолотоордынскими образованиями: "Казань по необходимости должна была войти в сношения с шибанскими Татарами, жившими в соседстве с Пермью, на севере от Казани, – с Ногаями, которые кочевали в неизмеримых степях между Волгою, Уралом и Каспийским морем; принуждена была общаться также с Москвою. Кроме этого, Казань была отраслью знаменитой некогда Золотой Орды, и поэтому не могла не иметь сношения с подобною себе отраслью той же Орды – Крымом..." [6, с.128]. Как мы видим, границы государства были указаны очень неопределенно, но для того времени этого было вполне достаточно в виду того, что практически не имелось археологических источников. Перетятковичу принадлежит мнение о том, что в Казанском ханстве было очень мало городов. Это точку зрения в свое время попытался опровергнуть М.Г.Худяков, отмечая "особый вид" татарских городов и многочисленность открытых городских поселений.

Несомненная заслуга Перетятковича состоит в том, что он сделал попытку рассмотреть Казанское ханство как независимое государство со своими государственно-политическими традициями. Хотя отношение автора к ханству было традиционно для российской историографии крайне тенденциозным, но, несмотря на это, его работы значимы для исследователей, которые обращаются к тем или иным вопросам по истории этого татарского государства. Ученый смог на довольно ограниченном источниковом материале выявить новые факты и наметить новые подходы к теме, которые ранее игнорировались его предшественниками. Можно сказать, что труд Перетятковича стал своеобразной ключевой вехой, после которой рассматривать историю Казанского ханства только в рамках военно-политической истории стало просто невозможно.

В том же 1877 г. вышла еще одна крупная работа по истории Среднего Поволжья. Ее автором был известный краевед, профессор права Казанского университета С.М. Шпилевский (1833–1907). По сравнению с другими авторами, в своей работе ему удалось во многих случаях удачно сопоставить данные письменных источников с археологическими памятниками, например летописные города с выявленными остатками древних городищ. Опи-

рался он и на труды своих предшественников, особенно часто цитируя работы К.Ф.Фукса и В.В.Вельяминова-Зернова. Так же, как и они, Шпилевский считал важнейшими и основными источниками по истории Казанского ханства русские летописи. Например, он вслед за Вельяминовым-Зерновым отмечал, что нет причин выделять "Казанскую историю" на фоне других летописей. "Казанская история неизвестного сочинителя, – писал он, – с первых страниц возбуждает к себе недоверие и представляет противоречия другим более достоверным источникам" [15, с.80]. В результате своих исследований Шпилевский делает справедливый вывод о том, что "Казанская история" – это "плохая компиляция из русских летописей с прибавлением весьма немногих данных" [15, с.80].

Казанское ханство Шпилевский рассматривал как преграду на пути московского государства в деле собиранья земель. Он писал, что "к половине XV столетия обстоятельства так сложились, что Москве еще на 100 лет была положена преграда усиливаться за счет Булгарии: на Волге, в западных пределах собственно Булгарской земли, образовалось новое, сильное татарское царство – Казанское" [15, с.191]. К тому же Москве пришлось выдержать большие разорения от самой Казани. На основе сопоставления русских летописей и татарских письменных источников автор предложил свои даты основания Старой и Новой Казани. Временем основания Старой Казани, на его взгляд, являются 1290–1298 гг., сразу после похода Менгу-Тимура на Булгарию. Основание же Новой Казани отнесено им на 1394–1402 гг. При этом он возражал против наименования в 1429 г. татар "Казанскими, когда центром Булгарской земли не была еще Казань, по-моему, этих татар должно называть Булгарскими до основания Казанского ханства сыном Улуг-Мухаммеда" [15, с.190]. В целом работа Шпилевского дала не очень много новых сведений по истории Казанского ханства, часто следуя за трудами К.Ф.Фукса и В.В.Вельяминова-Зернова. Однако в заслугу автору можно поставить стремление анализировать и сопоставлять различные источники, а в привлечении археологических данных он был подлинным пионером.

В заключение хотелось бы отметить, что в трудах по русской истории, созданных в XVIII–XIX вв., Казанское ханство выступало в качестве объекта московской внешней политики, одного из тех татарских постзолотоордынских образований, что определяло характер их государственности и "захватнические традиции". В целом, Казанское ханство представлялось в работах тех лет как враждебная сила, с которой русское правительство иногда вынуждено было заключать тактические соглашения. Хотя отсутствие соответствующей квалификации при работе с историческим материалом и сказалось на качестве исследований, но эрудиция и интуиция историков XVIII–XIX вв. заложили основы изучения Казанского ханства.

Таким образом, к началу XX в. имелось несколько фундаментальных работ, на основании которых уже можно было получить представление о формировании и развитии Казанского ханства – и идти дальше, ставить и ре-

шать более узкие и глубокие проблемы.

Вместе с тем возникла потребность в работе, которая бы объединила и подытожила исследования историков XVIII–XIX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженов Н.К. Казанская история. – Казань: Тип. университета, 1847. – 156 с.
2. Вельяминов–Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1863. – Ч.1. – 581 с.
3. Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков: историк и просветитель. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. – 119 с.
4. История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Первые историко–этнографические описания казахских земель. – Алматы: Дайк–Пресс, 2007. – Т. IV. – 368 с.
5. Казанская история / Подготовка текста, вступ. статья и прим. Г.Н.Моисеевой. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 195 с.
6. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М.: Тип. И.В.Грачева, 1877. – 338 с.
7. Рычков П. Опыт Казанской истории древних и средних времен. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1767. – 244 с.
8. Фукс К. История города Казани / 5-е издание. – Казань: Умид, 1914. – VII, 23 с.
9. Хамидуллин Б.Л. Историография этносоциальной истории Казанского ханства // Научный Татарстан. 2004. – № 4. – С.76–85.
10. Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М.: Изд-во БРЭ, 2008. – Т.12. – С.402–405.
11. Хамидуллин Б.Л. Основание Казани и история Казанского ханства. – Казань: Изд-во КГУ – Изд-во "Фэн" АН РТ, 2005. – 184 с. (на тат. яз.).
12. Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии: Проблемы древней и средневековой истории и археологии. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – Вып. 8. – С. 222–239.
13. Хамидуллин Б.Л. "Скифская история" – история тюрко–татар // Идель. 2000. – № 10. – С. 48–55.
14. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / Подг. к печати, предисловие Б.Л.Хамидуллина. – Казань: Магариф, 2004. – 304 с.
15. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско–татарские памятники в Казанской губернии. – Казань: Тип. университета, 1877. – 610 с.

© Б.Л. Хамидуллин, (b_khamidullin@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики».

6-я специализированная выставка

ГЕО-КАЗАНЬ:

Геологоразведка. Геодезия. Картография.

В РАМКАХ ТАТАРСТАНСКОГО
НЕФТЕГАЗОХИМИЧЕСКОГО
ФОРУМА

Форум проводится при поддержке:
Президента Республики Татарстан
Правительства Республики Татарстан

12+
РЕКЛАМА

Организатор: ОАО «Казанская ярмарка»
Россия, 420059, Казань, Оренбургский тракт, 8
т./ф.: (843) 570-51-14, 570-51-17,
570-51-11 (круглосуточный)
e-mail: d2@expokazan.ru, expokazan02@mail.ru
www.geoexpokazan.ru, www.expokazan.ru

КАЗАНСКОЕ
ИСТОРИКО-НАУЧНОЕ
ЦЕНТРОИЗУСЛУЖИЕ
ИСО - 9001

КАЗАНСКАЯ
ЯРМАРКА